

05
0-92

ОКТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

11
КНИГА
НОЯБРЬ
1960

В этом номере:

Повесть Рытхэу — РИНТЫН ЕДЕТ В УНИВЕРСИТЕТ

•

Пьеса Ярослава Ивашкевича — ЖЕНИТЬБА
ГОСПОДИНА БАЛЬЗАКА

•

Очерк Л. Шейнина — БРАТСТВО

•

О НОВОМ В ИЗУЧЕНИИ РАКА рассказывает
А. Чаклин

СОДЕРЖАНИЕ

Глашатай мира	3
Илья СЕЛЬВИНСКИЙ. О времени и о себе. Лирическая поэма	6
РЫТХЭУ. Рийтын едет в университет. Повесть	11

К декаде литературы и искусства Украины в Москве

Любовь ЗАБАШТА. Сердце Шопена. Стихи	112
Максим РЫЛЬСКИЙ. Может, вам окажется пригодной... Стихи	112
Михаил СТЕЛЬМАХ. В лесах Черниговщины. Стихи	113
Ярослав ИВАШКЕВИЧ. Женитьба господина Бальзака. Пьеса	114
Мих. ЛУКОНИН. Четыре стихотворения	149

Т Р И Б У Н А Ж И З Н И

Что такое коммунизм

А. ШМАТКОВ. Мужество	153
--------------------------------	-----

Здоровье и красота

А. ЧАКЛИН. География рака	163
-------------------------------------	-----

Д Н Е В Н И К П И С А Т Е Л Я

Лев ШЕЙНИН. Братство	173
--------------------------------	-----

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я К Р И Т И К А

Т. МОТЫЛЕВА. Пример великой жизни	194
Арк. ЭЛБЯШЕВИЧ. О лирической прозе	204

И С К У С С Т В О

Сергей ГЕРАСИМОВ. Кино и зритель	211
Памяти Н. И. Замошкина	223

Редакционная коллегия: А. Д. Андреев, С. П. Бабаевский, С. А. Васильев, И. Ф. Винниченко, В. В. Дементьев, А. М. Дроздов, **Н. И. Замошкин**, Е. Ю. Мальцев, А. А. Первенцев, Ц. А. Степанян, В. В. Фролов (зам. главного редактора), Л. Р. Шейнин (первый зам. главного редактора).
Ответственный секретарь В. Д. Пекелис.

Технический редактор А. Шагарина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», д. 11/13.
Тел. главного редактора и ответственного секретаря — Д 1-62-05; заместителей гл. редактора — Д 1-63-64; отделы: прозы — Д 1-71-34, поэзии — Д 1-60-24, критики — Д 1-69-37, публицистики — Д 1-60-24.

А 07192. Подписано к печати 27/X 1960 г. Тираж 142 300 экз.
Изд. № 1829. Заказ № 2757. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,18 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Ярослав ИВАШКЕВИЧ

ЖЕНИТЬБА ГОСПОДИНА БАЛЬЗАКА

Комедия в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Оноре Бальзак
Эвелина Ганская (урожденная Ревуцкая)
Каролина Сайн-Виттгенштейн (урожденная Ивановская)
Александр Верыха-Даровский, управляющий пани Ганской
Доктор Кнотхе
Гальперин, банкир из Бродов
Аполло Коженевский, молодой человек, сосед
Северка }
Дызя } Вылежанские, дальние родственницы пани Ганской.
Антон, повар
Леон, лакей Ганской
Мосий, казачок

Действие происходит в имении пани Ганской, Верховне в начале марта 1850 года.

АКТ ПЕРВЫЙ

С большим вкусом обставленный кабинет, расположенный между салоном и обеденным залом. Здесь чаще и охотнее всего собираются обитатели Верховни. Тут пьют послеобеденный кофе, предвечерний чай и принимают не слишком официальных гостей.

Где-то рядом с обеденным залом или, может быть, даже в непосредственной близости к кабинету расположена буфетная. Оттуда обычно выходит прислуга.

Бальзак живет во флигеле, находящемся в парке, откуда он приходит в своей огромной «петербургской» шубе.

Уже март, но за окнами никаких признаков весны. По глубокому снегу на санях с бубенцами приезжает сюда в первом акте Даровский.

Утро. В кабинете Северка и Дызя, родственницы Ганской, постоянно живущие в Верховне. Северка — красивая девушка, но по тем временам уже «в годах»; Дызя — ее старшая сестра, маленькая, невзрачная, очень скромно одетая девушка, держится без претензий. Она в фартуке, ибо исполняет обязанности «домоправительницы» и вообще делает все «что придется» в доме своей богатой тетки.

Антон (*тащит за руку Мосия*). Панна Дызя, панна Дызя! Где ключи?

Дызя. Какие ключи?

Антон. Он говорит, что отдал их вам. Графиня наказала готовить индейку, а шафран для соуса в большой кладовке.

Дызя. А почему ключи от большой кладовой попали к Мосию?

Мосий. Пан Бальзак посылал меня ночью за сливами. Но я никаких слив там не нашел. А ключи я брал у графини.

Дызя. Как же ты смел брать ключи у графини? Надо было разбудить меня!

Мосий. Пани графиня не спали.

Дызя. Это все равно. Ключами в этом доме распоряжаюсь я.

Антон. Пусть так, но где же те ключи?

Дызя. У меня их нет.

Антон (*Мосию*). Ты говорил, что отдал их панне Дызе.

Мосий. Ой, я уже и не помню!

Северка. Он всегда такой заспанный, легко ли ему что-нибудь помнить.

Мосий. А я виноват, что не могу выспаться? То надо камин топить, то кофе готовить. Он всю ночь сегодня не спал. И еще за этими сливами посылал. А я их не нашел.

Дызя. Дурень, целая бочка слив стоит в жите.

Мосий. Откуда я знал, что она в жите!

Антон. Ты не отбреживайся, говори сейчас же: где ключи?

Леон (*входя*). Ключи у меня. Пани графиня отдала их мне.

Дызя. О боже, все этими ключами распоряжаются! А потом, когда чего-нибудь не хватит, все на меня: Дызя не присмотрела.

Леон. Да есть ваши ключи, чего же шуметь? (*Отдает ключи Антону.*)

Антон. Мне все одно, у кого ключи. Были бы вовремя продукты. А то пани графиня теперь меню совершенно не придерживается, все меняет и меняет.

Леон. То не пани графиня, то пан Бальзак такие капризы устраивает.

Мосий. А жрет, извиняйте, как тот волк.

Дызя. Хорошо ли так говорить — волк?

Мосий (*смеясь*). А как я еще должен был сказать?

Северка. Ну, идите, идите. Хватит тут болтать!

Леон. Пани Северка стала такая строгая. Но не всех она так выпроваживает. (*Уходит.*)

Антон. Капризы не капризы, а ты готовь, чоловіче. (*Мосию.*) Но, иди! (*Уходит вместе с Мосием.*)

Северка. Ах, эта прислуга так обнаглела! Ты их совсем распустила. И все это против меня.

Дызя. Что ты, сестричка! В этом доме все для тебя.

Северка. И ты еще вечно мне докучаешь.

Дызя. Моя красивая сестра, кажется, не в настроении. Но, может, ее настроение еще поправится?

Северка. Только не сегодня.

Дызя. А вдруг... Он сказал, что сегодня вернется.

Северка. Очень ему это надо! Забросить свое прекрасное поместье ради того, чтобы здесь быть каким-то управляющим!..

Дызя. Может, его влечет сюда какой-нибудь магнит? А может, и целых два магнита?

Северка. Опять начинаешь?

Дызя. Я вовсе не хочу тебе надоедать, но должна же ты наконец над этим задуматься. Почему ты его сама не спросишь? Как это будет? Тетя или племянница?

Северка. Если бы я могла так спросить!

Дызя. Бедной девушке все можно.

Северка. Или ничего нельзя.

Дызя. Неправда! Это некрасивой девушке ничего нельзя, а красивой все можно... Только осторожно. Правда, дорогая?

Северка. Ах, какая ты злючка!

Дызя. А что касается прислуги, то тут нет моей вины. Просто они видят, что какой-то проходимец вертит всем в доме, как хочет.

Северка. Что ты плетешь?

Дызя. А разве нет? Кто он такой, этот господин Бальзак? Самый настоящий проходимец. С ножа ест, в скатерть сморкается.

Северка. Вовсе он не сморкается в скатерть.

Дызя. Он зарился на тетю, еще когда был жив дядечка.

Северка. А ты хотела, чтобы он на тебя зарился?

Дызя. Я хотела бы только, чтобы имущество нашего дядечки перешло к нам. Ведь богатая девушка всегда красива. С деньгами и горбатая стройна.

Северка. Бальзак — величайший писатель Франции.

Дызя. Писатель, писатель! Что это значит — писатель? Через полгода после его смерти о нем никто не вспомнит.

Северка. Конечно, деньги каждому придают вес...

Дызя. Ага, значит, и ты так думаешь?

Северка. Иногда.

Дызя. Тебе-то нечего беспокоиться: Даровский — тоже богач.

Северка. Вовсе он не богач.

Дызя. Во всяком случае, вам хватит.

Северка. Нельзя и сравнивать его состояние с состоянием тети.

Дызя. Мало ли что! Есть состояния и покрупнее. Браницких или княгини Каролины, например.

Северка. Именно. Однако и состояние княгини Каролины уже заарканено.

Дызя. Не говори так, Северка, о великой любви.

Северка. Не верю я в эту великую любовь.

Дызя. Не притворяйся, сестричка, не притворяйся. Я-то ведь знаю, что только о ней ты и мечтаешь. Это мне уж скорее следовало бы в нее не верить.

Северка. Однако веришь?

Дызя. Представь, несмотря ни на что... верю.

Северка. Ну и слава богу.

Дызя. Есть люди, жизнь которых была бы страшна без любви...

Северка. Неужели ты влюбилась?

Дызя. Я? Ты ошалела, сестричка. Кому нужна горбатая любовь?
(Выглядывает в окно.) О, кажется, это твой Олютек едет.

Слышны бубенцы у подъезда.

Северка. Не называй его моим Олютеком. И вообще его никто не называет Олютеком.

Дызя. Но, может, есть такие, что называют его своим?

Северка. Может, и есть.

Дызя. Однако он никому еще не принадлежит.

Северка. Что с тобой, Дызя?

Даровский (входит). Мое почтение уважаемым паннам! (Здоровается, не целуя рук.) Ну и март, черт побери! Пасха уж на носу, а мороз, как на святках.

Дызя. Что за привычка! При девушках «черт побери»! В каком обществе вы вращаетесь, пан Александр?

Даровский. Вы правы, я совсем забыл, что нахожусь при изысканном дворе столицы Польши и Франции вместе.

Северка (смеясь). Чуть ли не в резиденции королевы Марии Лещинской.

Даровский. Именно об этом я и подумал. Как здоровье пана Бальзака?

Дызя. А здоровье тети вас не интересует?

Даровский (*смущен*). Разумеется, я хочу знать, как чувствует себя пани Ганская.

Дызя. Оба они чувствуют себя прекрасно. Господин Бальзак съедает за обедом целого гуся либо индейку, и потом его мучит изжога. Изжога после индейки, конечно.

Северка. Дызю!

Дызя. Однако вы с дороги. Наверно, рано встали?

Даровский. В четыре утра.

Дызя. Не хотите ли что-нибудь перекусить?

Даровский. Очень охотно.

Дызя. Я приготовлю вам в столовой. Рейнское или портвейн?

Даровский. Если можно, портвейн.

Дызя. Минутку терпения. (*Выходит.*)

Даровский (*Северке*). Вы, кажется, не в настроении?

Северка. Дызя мне ужасно докучает.

Даровский. Чем?

Северка. Разве вы не догадываетесь?

Даровский. Как я могу догадаться, о чем говорит с вами ваша сестра?

Северка. Она говорит о том же, что и все.

Даровский. А хотя бы и все. Разве это что-нибудь значит?

Северка. Мне тяжело.

Даровский. Вы мне не верите?

Северка. Верю, но...

Даровский. Тут не может быть никаких «но». Неужели вы действительно не верите, что я вас люблю?

Северка. Сколько раз вы это мне повторяли, не давая, однако, никаких доказательств...

Даровский. Вы хотите доказательств?

Северка. Ах, нет! Положим, я вам верю. Но кто мне поручится, что под влиянием тех или иных обстоятельств вы мне не измените?

Даровский. Что вы называете обстоятельствами?

Северка. Не принуждайте меня ставить все точки над «и».

Даровский. По-моему, вообще лучше обходиться без недомолвок.

Северка. Это не недомолвки...

Даровский. А что же?

Северка. Скорее недоумение.

Даровский. Не стоит, панна Северина, забивать себе голову такими дурными мыслями и тем более додумывать их до конца. (*Помолчав.*) Как дела у господина Бальзака?

Северка. Все так же мерзнет и вздыхает по весне. Доктор Кнотхе совсем с ним замучился. Без конца прописывает ему всякие капли, а Леон носится за ними в Бердичев.

Даровский. Значит, положение все еще неопределенное...

Северка. Вас не было две недели. Что же могло произойти за такой срок?

Даровский. Вы плохо считаете, панна Северка. Меня здесь не было три недели.

Северка. Хорошо ли вы провели время в Киеве?

Даровский. Очень. Заключил несколько хороших сделок.

Северка. Это меня не интересует.

Даровский. А я думал, вас интересует все, что касается меня.

Северка. Удивительное самомнение!

Даровский. Значит, еще не интересует... (*Пауза.*) Считаете ли вы, что пани Ганская наконец решится?

Северка. Ее сердце для меня закрыто. Да и ваше, к сожалению, тоже...

Даровский. Как же мне доказать, что оно открыто для вас? Северка. Просто, как мужчина женщине.

Даровский. Вы, кажется, примкнули к школе Бальзака.

Северка. Не лучше ли сделать меня своей любовницей, чем заставлять Леона водить к вам по ночам каких-то таинственных посетителей?

Даровский. Леон никого ко мне не приводит.

Северка. О, неправда! Все об этом знают.

Даровский. Все?

Северка. Это значит — Дызя и я.

Даровский. Обещаете ли вы никому об этом не говорить? Это не женщины.

Северка. Не женщины?

Даровский. Ради бога, панна Северина, не мучайте себя ревностью! Это не женщины, но никто об этом не должен знать.

Северка. Хотела бы я убедиться в этом.

Даровский. Не будьте наивным ребенком.

Северка. Вряд ли это говорит о моей наивности. Скорее напротив.

Даровский. Я люблю вас — и все.

Северка. А если вас еще кто-нибудь любит?

Даровский. Это меня не интересует.

Северка. Дызя без ума от вас.

Даровский. Дызя? Это великолепно!

Северка. Не смейтесь. Она способна на любые пакости. Она зла и дьявольски ревнива.

Даровский. Она ревнует к вам?

Северка. Ко мне и еще к кому-то...

Даровский. Тсс, тс-с...

Пани Ганская (*входит*). Наконец-то вы вернулись. Неужели вас так задержали контракты?

Северка. Для мужчин все эти контракты лишь повод поразвлекаться.

Пани Ганская. Листа в Киеве случайно не было?

Даровский. Вряд ли он теперь появится в Киеве. С тех пор, как он похитил там такую жемчужину...

Пани Ганская. Ах, скажите лучше: она его похитила. Счастливица эта Каролина!

Даровский. Были братья Венявские. Бешеный успех! Вывезли горы золота.

Пани Ганская. Вы их слушали?

Даровский. Разумеется. Они прекрасно играли.

Пани Ганская. Северка, узнай, приготовил ли повар индейку, о которой просил Бальзак.

Северка. Хорошо, тетя. (*Выходит*.)

Даровский. Гальперин не приезжал?

Пани Ганская. Разве он собирался сюда приехать?

Даровский. Он говорил, что использует для этого любую возможность. Надо же, наконец, выяснить, что он мог бы дать под заклад имения или — в случае его окончательной продажи.

Пани Ганская. Вы как-то уж очень смешитесь с этими делами.

Даровский. Естественно. Я уладил бы все это куда быстрее вас.

Пани Ганская. Вы решаете за меня?

Даровский. А разве вы еще не решили?

Пани Ганская. Представьте, еще нет. Это тянется уже столько лет! Сколько борьбы, терпения, сколько жертв с моей стороны... Уже седьмой год, как я вдова, и ничего не могу отвоевать для себя. Мое счастье никого не интересует.

Даровский. Прошу вас не говорить так.

Пани Ганская. Но я и сама не знаю, в чем мое счастье.

Дызя (*входит*). Завтрак для пана Александра готов.

Пани Ганская. Ах, моя Дызя, ты же видишь, что пан Даровский беседует со мной!

Дызя. Но ведь пан Александр с рассвета на ногах и ничего не ел!

Пани Ганская. Иди, он сейчас придет.

Дызя. Шоколад остынет. (*Уходит*.)

Пани Ганская. Шоколад? В это время?

Даровский. Панна Дызя знает, что я очень люблю шоколад.

Пани Ганская (*нежно*). Вы как дитя...

Даровский. Не только дети имеют свои вкусы.

Пани Ганская. Каковы же ваши вкусы?

Даровский. Кроме шоколада, самые обыденные. Вероятно, потому, что я слишком мало читаю изящную литературу.

Пани Ганская. Но зато вы, кажется, сами пишете стихи?

Даровский. Я? Никогда!

Пани Ганская. Надеюсь, вы как-нибудь почитаете их мне.

Даровский. Это стихи не для женщин. Они совершенно не сентиментальны.

Пани Ганская. Какие же они?

Даровский. Это стихи политические.

Пани Ганская. Я предпочла бы что-нибудь иное.

Даровский. Например, Бальзака.

Пани Ганская. Конечно, Бальзака! Он самый гениальный среди живущих. Как можно его не читать?! Что за поэзия, что за смелость!

Даровский. Бальзака и я почитываю. Вы одна из немногих, оценивших его так быстро.

Пани Ганская. И он мне благодарен за это. Еще находясь вдали друг от друга, мы как-то сразу почувствовали родство наших душ.

Даровский. Такое братство душ — большое счастье.

Кнотхе (*входя*). Итак, ты приехал, мой дорогой. А мне выпала сегодня тяжелая ночь. Хорошо, что Аполло здесь и хоть немного развлек меня своим египетским гаданием. (*К Ганской*.) С нашим великим человеком творится что-то неладное. Слишком много кофе, слишком много!

Пани Ганская. Вы пугаете меня чуть ли не каждый день, мой доктор, а я нахожу, что наш Бальзак в отличном состоянии.

Кнотхе. Это лишь так кажется. Верьте мне, моя пани, он долго не протянет.

Пани Ганская (*к Даровскому*). Эти врачи всегда так жестоки! (*Кнотхе*.) Убить вас мало!

Кнотхе. А где бы вы тогда нашли четвертого партнера для виста?

Дызя (*входит*). Идите же, наконец, пить шоколад. Там ждут вас и другие вкусные вещи.

Пани Ганская. И правда, вы не должны дразнить Дызю: она опасный человечек.

Даровский и Дызя выходят.

Кнотхе. Я вовсе не из жестокости говорю вам правду. Я всегда говорю только правду.

Пани Ганская. Иногда даже слишком много правды. Ведь я и сама знаю, что Бальзак смертельно болен.

Кнотхе. Сегодня или завтра вы должны принять окончательное решение. Если вы решитесь на этот брак и уедете в Париж, вы должны знать, что вас там ждет. Он долго не проживет.

Пани Ганская. Я знаю. Но он уже давно мой муж.